

понятно намъ только тогда, когда мы видимъ или живо представляемъ себѣ страдающаго, и видъ близкаго страданія одного человѣка вызываетъ это чувство въ гораздо сильнѣйшей мѣрѣ, чѣмъ отвлеченныя увѣренность въ мукахъ тысячъ людей, которыхъ мы не знаемъ.

Вотъ почему можно принять за общее правило, что частная благотворительность должна какъ можно больше сосредоточиваться, а не разбрасываться, и лучше дѣйствительно помочь одному человѣку, чѣмъ десятерымъ оказать пособіе, послѣ котораго они въ скоромъ времени окажутся въ томъ же или еще въ худшемъ положеніи чѣмъ прежде.

Къ этому заключенію приходитъ, повидимому, и гр. Толстой, передавая свой разговоръ съ Сютевымъ по поводу переписи.

„Наговорившись, я обратился къ нему съ вопросомъ, чтò онъ думаетъ про это.

„— Да все это пустое дѣло, сказалъ онъ.

„— Отчего?

„— Да вся ваша эта затѣя пустая и ничего изъ этого добра не выйдетъ,—съ убѣжденіемъ повторилъ онъ.

„— Какъ не выйдетъ? Отчего же пустое дѣло, что мы поможемъ тысячамъ, хоть сотнямъ несчастныхъ? Развѣ дурно по-евангельски голаго одѣть, голоднаго накормить?

„— Знаю, знаю, да не то вы дѣлаете. Развѣ